

УДК 94(430)

**МИФ ОБ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЕ?
АНТИНАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ В ГЕРМАНИИ (1806-1815 ГГ.)
В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКИХ ИСТОРИКОВ**

Стерхов Д.В.

В статье предпринят анализ исследований современных немецких историков, посвящённых проблематике Освободительных войн (1806-1815 гг.). Отмечается тот факт, что начиная с 1970-х годов в немецкой исторической науке наметилась тенденция к пересмотру устоявшихся трактовок и мнений относительно роли Освободительных войн в истории Германии, восходящих ещё к малогерманской историографии XIX века. Во-первых, подвергается сомнению представление о народном характере антинаполеоновского движения в Германии. В научной литературе с конца 1980-х годов прочно устоялось мнение о том, что борьба против наполеоновской Франции была делом в первую очередь политических и интеллектуальных элит. Во-вторых, окончательно сходит со сцены тезис о «немецкой миссии Пруссии». Как показывают исследования последних двух десятилетий, в Пруссии в годы Освободительных войн превалировал достаточно мощный религиозно окрашенный локальный патриотизм, а цель объединить Германию прусское политическое руководство пока ещё не преследовало. В-третьих, Освободительные войны перестают рассматриваться как национальное общенемецкое явление: опыт отдельных германских государств (Бавария, Вюртемберг, Баден, Саксония, Вестфалия) не позволяет говорить об Освободительных войнах как едином процессе конституирования немецкой нации. По этой причине современные немецкие авторы говорят о «мифе Освободительной войны», а сам период 1806-1815 годов требует переосмысления и определённой переоценки.

Ключевые слова: Освободительные войны, историография, Пруссия, Гогенцоллерны, Виттельсбахи, немецкая национальная идея, религиозный патриотизм, Ландвер, реформы Штейна-Гарденберга, Рейнский союз.

**THE MYTH OF A LIBERATION WAR?
ANTI-NAPOLEONIC WARS IN GERMANY (1806-1815)
IN RESEARCHES OF MODERN GERMAN HISTORIANS**

Sterkhov D.V.

The article analyses the recent German historiography on the problem of the Liberation Wars (1806-1815). The author points out the fact that since the early 1970s the German scholars tend to revise the conventional conception of the Liberation Wars which was created by the Prussian School of History in the second half of the 19th century. First of all, certain doubts have been expressed about the existence of a centralized popular Anti-Napoleonic movement in the German lands. The latest studies on that subject have proved that the struggle against Napoleon and the French occupation was the work of the elites not of average people. In the second place, the thesis of the “historical mission of Prussia” has been completely rejected by the German historians. The closer look at the Prussian sources has revealed that in the years of the French domination the Prussian political elites were elaborating on the concept of the Prussian nation which in some ways competed with the German national idea. Moreover, the Prussian government had no intention to unite the whole Germany under the Prussian rule. Consequently the Wars of Liberation cannot be viewed as a uniform German phenomenon, let alone as a key event of the German national history. The diverse experience of separate German states (Bavaria, Baden, Württemberg, Saxony, and Westphalia) doesn't allow us to define the Liberation Wars as a necessary condition for building of the German nation. For the reasons given above the modern German historians claim that the period of 1806-1815 requires certain revising and reconsideration.

Keywords: Wars of Liberation, historiography, Prussia, House of Hohenzollern, House of Wittelsbach, German national idea, religious patriotism, Landwehr, Prussian Reform Movement, Confederation of the Rhine.

Немецкие Освободительные войны (1806/1813-1815 гг.) по сей день считаются одним из ключевых событий современной истории Германии. Интерес к этому событию не угасает с момента окончания самих войн. Для немецких историков XIX в. национально-освободительная война против французских захватчиков была одним из наиболее излюбленных историографических сюжетов. В середине XIX в. было сформировано два подхода к Освободительным войнам: национально-либеральный (Густав Дройзен, Людвиг Хойссер, Георг Гервинус) и консервативный (Генрих фон Трейчке). Национально-либеральные историки видели в Освободительных войнах не только столкновение с внешним врагом, но и внутреннюю борьбу немецкого народа за конституционные права и свободы. Представители консервативного направления, напротив, отрицали наличие радикальных противоречий между верхними и низшими слоями общества и указывали на то, что в ходе национальной войны против французов в Германии сложился союз народа и князей. После объединения Германии в 1871 году оба направления соединились в так называемую боруссианско-малогерманскую историографию [1, S. 284-286].

Несмотря на первоначальные различия в подходах и национально-либеральные, и консервативные историки исходили из некоторых базовых позиций, которые стали основой восприятия Освободительных войн вплоть до второй половины XX в. Во-первых, оба направления подчёркивали народный характер антинаполеоновских войн, главным субъектом выступал немецкий народ, который первым поднялся на борьбу против иностранных захватчиков. Только если в консервативной трактовке народ выступал воедино со своими правителями (немецкими герцогами, королями и т.д.), то в рамках национально-либерального подхода народные массы во многом действовали

вопреки воле князей. К началу XX в. в немецкой историографии возобладало мнение о некоем союзе между народом и князьями. Как бы то ни было, оба подхода делали упор на общенародном немецком восстании. Уже во второй половине XX в. тема народного антифранцузского восстания без участия князей являлась центральным сюжетом историографии ГДР [5, S. 17].

Другим достаточно устойчивым изобретением боруссианской историографии стала идея о «немецкой миссии Пруссии», которая возникнет в немецкой исторической литературе в 1840-е годы. Согласно этой концепции, центром антинаполеоновской борьбы за свободу немецкой нации рассматривалась Пруссия, которой многие авторы приписывали стремление объединить всех немцев под своей эгидой. Пруссия, по мнению представителей малогерманской школы, была единственным государством, которое в войне с Францией защищало общегерманские интересы и внесло наибольший вклад в победу над национальным врагом. Соответственно, уже после 1815 года именно Пруссия могла претендовать на лидирующие позиции в германском мире. Параллельно возникает идея о долге других немецких государств перед Пруссией за освобождение от иноземной оккупации [1, S. 288]. Создание Германской империи под предводительством Пруссии в 1871 году, казалось бы, исторически доказывало тезис о «немецкой миссии Пруссии», поэтому в историографии начала XX в. эта тема будет звучать особенно громко.

Наконец, фундаментальной основой восприятия Освободительных войн историками позапрошлого столетия станет представление об их национальном, общенемецком характере – эта точка зрения является основополагающим исходным моментом в оценке периода 1806-1815 годов вплоть до сегодняшнего дня. Освободительные войны предстают как ключевое событие немецкой национальной истории и трактуются преимущественно с позиций немецкой национальной идеи, как время рождения массового немецкого национализма [2, S. 201]. Война против общего врага, в классической трактовке авторитетного историка Отто Данна, дала мощный импульс к развитию немецкого национального движения, немцы впервые почувствовали себя единой нацией,

война против Наполеона стала первой национальной войной в немецкой истории [10, S. 71-72]. Подобная единообразная, унифицированная интерпретация Освободительных войн как национального общенемецкого явления, до сих пор являющаяся преобладающей в научной литературе, также отчасти является достоянием историографии XIX века.

Начиная с 1970-х гг. в историографии ФРГ наметилась определённая смена парадигмы относительно трактовки проблемы Освободительных войн. Ввод в научный оборот новых источников, а также обращение к мало исследованным темам и сюжетам способствовали тому, что единая картина Освободительных войн стала постепенно подвергаться определённой эрозии. В первую очередь это касалось представления о народном антифранцузском движении, которое якобы имело место в 1806-1815 годах – на этом продолжали настаивать историки ГДР [19; 20; 34], подобная точка зрения ещё встречалась и в западногерманской историографии 1980-х годов [30, S. 106]. Однако можно констатировать, что постепенно немецкие авторы стали отказываться от идеи народного восстания. В частности, уже Бернд фон Мюнхов-Поль в 1987 г. в своей работе, посвящённой изучению общественного сознания в Пруссии в 1809-1812 гг. указывал на то, что в прусском королевстве, которое ещё с XIX века считалось центром немецкого национального движения, население в целом пассивно и зачастую безразлично относилось к факту иноземного господства, а все попытки прусских реформаторов (Штейна, Шарнхорста) развязать народную войну против Наполеона оказывались тщетными и не выходили за пределы планов и проектов. В 1808-1809 гг., когда наполеоновская система в Европе подверглась наибольшему испытанию (восстания Фердинанда фон Шилля, Вильгельма фон Дёрнберга, Брауншвейгского чёрного корпуса, тирольцев под предводительством Андреаса Гофера, австро-французская война, антифранцузское восстание в Испании), жители Пруссии, находившиеся под впечатлением от поражения 1806 г., сохраняли апатию и безразличие ко всем антинаполеоновским акциям. Восстание того же Фердинанда фон Шилля, являющееся классическим примером

антифранцузской борьбы в Германии, не нашло никакой поддержки ни со стороны прусского населения, ни на Западе, ни тем более на Юге Германии [27, S. 146].

Знаменитое восстание тирольцев под предводительством Андреаса Гофера, ставшее впоследствии одним из наиболее значимых мифов немецкой национальной истории, в действительности имело мало общего с народным антифранцузским движением. Как отмечает исследовательница Уте Планерт, тирольское восстание было направлено не против французов, а преимущественно против баварского правительства, современниками же оно воспринималось как нелегитимное и незаконное, повстанцы отнюдь не считались героями и презрительно именовались «инсургентами». Так же неоднозначно современники отнеслись и к антифранцузскому восстанию в Испании, которое не вызвало особого сочувствия в Германии. Для многих немцев испанские повстанцы представляли как варвары и религиозные фанатики, которые не были в состоянии вести цивилизованную войну. Испанская герилья считалась одним из самых жестоких методов ведения войны, которую разжигают испанская инквизиция и фанатичные монахи. Удивительно, но даже на католическом Юге Германии никакого особого сочувствия к испанским партизанам не наблюдалось, немецкое католическое духовенство достаточно безразлично отнеслось к освободительной войне своих братьев по вере [29, S. 568-570]. Таким образом, до начала Освободительных войн вряд ли мы можем говорить о некоем антифранцузском народном движении в Германии, идея народного восстания существовала только в умах прусских реформаторов, однако дальше планов и проектов дело так и не продвинулось.

Можно ли в таком случае считать 1813 год тем самым моментом, когда в Германии, наконец-то, появилось народное антифранцузское движение? Боруссианская историография XIX века трактовала события весны – осени 1813 года именно с этой позиции, однако и эта концепция сегодня теряет под собой почву. В своей работе «Подъём немецкого национализма» историк Йорг

Эхтернкамп ёмко и кратко сформулировал новую позицию: «Национального восстания не состоялось» [11, S. 216].

Действительно, даже после сокрушительного поражения Наполеона в России ни одно европейское государство не отважилось на полный разрыв с всемогущим французским императором. Лишь после долгих колебаний и сомнений в середине марта 1813 года прусский король Фридрих Вильгельм III первым из всех европейских монархов решился на антифранцузский союз с Россией. Исследователи отмечают, что одной из причин этого шага стали события в Восточной Пруссии, куда в конце января 1813 года в качестве представителя императора Александра I прибыл бывший первый прусский министр барон Генрих фом унд цум Штейн. Барон и его ближайший сподвижник генерал Йорк фон Вартенбург тут же начали активную деятельность по вооружению провинции и созданию народного ополчения (Ландвера). Корпус генерала Йорка также начал осаду занятой французами крепости Пиллау, что было равнозначно мятежу – ведь Пруссия формально ещё пока являлась союзницей Франции [18, S. 46-48].

Во многом именно эти события в Восточной Пруссии, которые могли привести к полному потере контроля над провинцией, способствовали тому, что Фридрих Вильгельм III решился на конфликт с Наполеоном. Подготовка к войне, вооружение и мобилизация населения должны были проходить под строгим надзором со стороны центральной власти, никакие самостоятельные инициативы не допускались. Эта авторитарная черта стала отличительной особенностью военной мобилизации в Пруссии весной – осенью 1813 года, бесконтрольные народные движения «снизу» не дозволялись.

Впрочем, прусскому политическому руководству вряд ли приходилось опасаться какого-либо массового восстания народных масс, ибо правительству королевства пришлось прибегнуть к политике кнута и пряника, чтобы вообще хоть как-то заинтересовать средние и низшие слои населения в борьбе против врага. Изначально делалась ставка на добровольцев: 3 февраля 1813 года был издан указ о формировании добровольного корпуса егерей, тем молодым

людям, которые в будущем проявят отвагу и смелость на поле боя, были обещаны всевозможные награды, в том числе продвижение по карьерной лестнице на гражданской службе. Однако правительство, очевидно, не надеялось на массовый приток желающих воевать против Франции, ибо тут же прибегло к принудительным мерам: 9 февраля были отменены практически все освобождения от военной службы (лишь отдельные категории населения могли не служить в армии), в Пруссии была фактически введена всеобщая воинская повинность, которая законодательно была оформлена указом от 17 марта 1813 года о создании в Пруссии народной милиции – Ландвера. Территория королевства была поделена на 4 военных округа, каждый из которых должен был предоставить определённое количество бойцов Ландвера. В апреле 1813 г. прусское правительство пошло ещё дальше и объявило о создании Ландштурма, в котором должно было служить всё мужское население страны от молодых людей (17 лет) до седых стариков (60 лет).

В историографии ГДР создание Ландвера и Ландштурма однозначно трактовалось как появление первой в немецкой истории подлинно народной армии [31, S. 13], в то время как западногерманские историки указывали на не совсем народный и не совсем добровольный характер этих военных учреждений. В частности, Рудольф Иббекен указывал на противоречивую природу упомянутых выше указов: с одной стороны, власть стремилась поощрять всех тех, кто готов добровольно отправиться на войну, с другой стороны, исследователь отмечал чёткую тенденцию к принуждению и тотальному контролю над народным вооружением, в чём прослеживалось явное недоверие правительства к народным массам. В этой связи Иббекен ставил вполне закономерный вопрос – можем ли мы вообще говорить о добровольном народном движении в Пруссии весной 1813 года [21, S. 393-394]? Исследования последних лет показывают, что ответ будет, скорее, нет, чем да.

Казалось бы, антифранцузские настроения, официальная патриотическая пропаганда и обещанные награды должны были мотивировать население отправляться воевать против национального врага, однако реальная ситуация

выглядела иначе. Готовность людей сражаться и умирать на поле боя зависела от многочисленных факторов, среди которых национально-патриотические были далеко не на первом месте. Гораздо более значимым являлся социальный контекст: наибольшее число добровольцев происходило отнюдь не из образованных сословий, как это традиционно принято считать, а из среды ремесленников и средних городских слоёв, около 20% составляли крестьяне и прочие занятые в сельском хозяйстве, около 11% – представители торгово-купеческих сословий, примерно столько же – лица с высшим образованием [6, S, 214]. Таким образом, представление о том, что основными представителями антинаполеоновского движения являлись студенчество и образованное городское бюргерство, можно считать очередным историографическим мифом.

Региональный, конфессиональный, культурный и этнический факторы играли не меньшую роль, что отразилось в распределении добровольцев по прусским провинциям: наибольшее число желающих отдать жизнь за Родину – 37% – дали центральные провинции королевства (Бранденбург), наименьшую эффективность военной мобилизации показали католические западные провинции Пруссии (7,3%), а также провинция Западная Пруссия (4,7%), где проживало польское меньшинство, опять же католическое [21, S. 419].

В тех провинциях, где лояльность населения была ниже, военно-патриотическая мобилизация иногда давала серьёзные сбои. Примером может служить Силезия, столица которой – Бреслау (Вроцлав) – в марте 1813 года временно стала столицей и всего королевства (Фридрих Вильгельм III был вынужден бежать из Берлина, где находился французский гарнизон). Несмотря на присутствие самого короля, жители области не проявляли энтузиазма относительно службы в армии, особенно городские слои предпочитали платить деньги вместо того, чтобы отправляться на фронт и рисковать своими жизнями. Как отмечает Уте Фреверт, система откупов вызывала серьёзное недовольство в среде реформаторов, особенно резко против неё выступал канцлер Карл Август фон Гарденберг, однако ввиду низкой мотивации подданных рисковать своими жизнями прусский король был вынужден её сохранить [12, S. 39-41].

Приходилось прибегать и самым жестоким мерам: уровень дезертирства среди бойцов силезского Ландвера был настолько высок, что Фридриху Вильгельму III пришлось вновь ввести систему унижительных телесных наказаний, отменённых в прусской армии несколькими годами ранее [17, p. 181]. Лишь только сочетая пряник и кнут, прусское правительство смогло добиться нужного результата: по числу добровольцев Силезия стояла на втором месте после центральных провинций королевства и даже обогнала коронную территорию – Восточную Пруссию (19% против 13,4%). Таким образом, можно согласиться с мнением Ферди Акалтина: применительно к 1813 году мы вряд ли можем говорить о всеобщем военном воодушевлении или о спонтанном народном восстании, ничего подобного не было ни в Пруссии, ни тем более в масштабах всей Германии [1, S. 45].

Другой важный вопрос, который возникает в этой связи: была ли именно Пруссия центром немецкого национально-освободительного движения, можно ли уже в наполеоновской эпохе видеть то, что позже будет названо «немецкой миссией Пруссии»? Подобная точка зрения до сих пор встречается в историографии [22, S. 31], однако стоит отметить, что применительно к периоду до 1813 года Пруссия не претендовала на роль лидера в немецких и общеевропейских делах. Базельский мир 1795 года, заключённый между революционной Францией и Пруссией, стал серьёзным ударом по авторитету последней: многие современники обвиняли прусское политическое руководство в предательстве, непоследовательности и в преследовании своих узкокорыстных интересов [4, S. 21-22]. Ни о какой «немецкой» политике Пруссии тем более не может идти и речи после поражения 1806 года, когда королевство оказалось на грани уничтожения и было сохранено лишь благодаря заступничеству императора Александра I и милости Наполеона. Авторитет Пруссии после 1806 года упал настолько, что на роль лидера в Германии и Европе она претендовать уже не могла – на первый план на короткое время вышла Австрия, после поражения которой в 1809 году в Германии вообще не

осталось ни одного государства, способного стать центром антинаполеоновского движения.

В 1807-1812 годах в Пруссии была начата целая серия социально-экономических и отчасти политических реформ, цель которых заключалась в скорейшем преодолении военно-политического кризиса. Прусские реформы (или реформы Штейна и Гарденберга, как их принято называть в литературе), ставили своей целью скорейшее восстановление разрушенного государства, возрождение его финансовой и военной мощи, пошатнувшейся в результате неудачной войны 1806 года. Реже эти реформы рассматриваются с других позиций: реформаторам было ясно, что крах прусского государства был связан в первую очередь с его гетерогенным характером, а также безразличием большинства населения к судьбе Отечества. Принято считать, что к началу XIX в. Пруссия была единым, монолитным, унифицированным государством с разветвленным государственным аппаратом и единой политической системой. В действительности же даже в наполеоновскую эпоху Пруссия представляла собой набор разнородных и мало связанных друг с другом территорий с различным правовым статусом, каждая из которых обладала своей особенной социальной и экономической системой. Единственным скрепляющим элементом выступала правящая династия, которая и удерживала все эти территории в рамках единого политического коллектива. Также стоит отметить конфессиональное, языковое и этническое разнообразие, являвшееся отличительной особенностью прусского государства. В терминологии Джона Брейи мы можем говорить о «конгломератной монархии» [7, р. 270]. Цель реформаторов как раз заключалась в том, чтобы выровнять правовой, юридический и социально-экономический статус входящих в прусское королевство территорий и действительно попытаться объединить их в единое политическое пространство.

Кроме того, перед реформаторами стояла и другая задача – мобилизовать широкие слои населения, заинтересовать жителей Пруссии в спасении и сохранении политического коллектива. Реформы должны были разрушить

существовавшие в государстве сословные барьеры, повысить мобильность населения, пробудить в пруссаках патриотические чувства, создать, наконец, представление о единой общности, являющейся Отечеством для каждого пруссака [25, р. 62]. Политическое руководство страны было, скорее, озабочено созданием идеи прусской нации, обладающей единой волей к существованию и желанием возродить своё могущество, чем стремлением проводить немецкую политику или, уж тем более, объединить всю Германию под своим лидерством.

В Пруссии в 1807-1813 гг. сверху создавалась идея монархической нации, центром которой являлся прусский король как символ национального единства. Идея прусской нации носила ярко выраженный религиозно-династический характер: монарх представлялся как данный пруссакам самим Богом, верность династии объявлялась главнейшим религиозным долгом каждого христианина. Не случайно девизом прусского Ландвера, а затем и всего антинаполеоновского движения в Пруссии были слова «С Богом за короля и Отечество» – ввиду своей эмоциональной окрашенности это был самый эффективный лозунг, придуманный прусской государственной пропагандой [14, S. 27-28]. Прусский король представал в рамках этой концепции не только как богоданный монарх, но также и как отец народа, стоящий над всеми социальными и этническими группами, самая же прусская нация мыслилась как одна большая семья, находящаяся под заботливой сенью монарха [16, S. 589]. Прусская королева Луиза, скончавшаяся в 1810 году, даже после своей смерти присутствовала в прусском политическом пространстве: выступая в качестве «прусской святой» и «матери Отечества», она являлась важнейшим мобилизационным символом, который придавал антифранцузской борьбе новый смысл – война против Наполеона представала в как месть каждого пруссака за смерть матери [3, S. 221]. По отношению к прусскому королевству в целом применялось понятие «Отечество», которое чётко противопоставлялось «немецкому Отечеству» или «Германии» в целом. По отношению к пруссакам употреблялось понятие «нация», при этом о «немецкой нации» в прусских источниках речи не шло, так как немцы в данном политическом контексте нацией не являлись. Можно

согласиться с мнением авторитетной исследовательницы Карен Хагеманн, что в годы наполеоновского господства в Германии в Пруссии сложился особый вариант локального патриотизма в виде идеи монархической прусской нации, и эта идея во многом конкурировала с конструируемой в то же самое время идеей общенемецкой нации [15, S. 29-30].

Ввиду вышесказанного можно утверждать, что антинаполеоновское движение в Пруссии в 1813 году носило не общенемецкий, а династический и локально-патриотический характер, на что ещё в 1970-е годы указывал Рудольф Иббекен [21, S. 412]. Вслед за Иббекеном в начале 1990-х годов такой же точки зрения придерживался другой немецкий историк Экхард Трокс, который на богатом материале убедительно продемонстрировал, что в основе прусской мобилизации 1813 года лежали не идеи немецкого национализма, а локальный патриотизм, любовь к прусскому Отечеству, а также верность королю и правящему дому. По этой причине не вызывает удивления, что наиболее эффективной прусская государственная пропаганда оказалась в центральных провинциях королевства (Бранденбург), где лояльность по отношению к династии традиционно была выше, чем в других провинциях королевства [35, S. 39]. Более конкретные исследования, посвящённые мотивам прусских добровольцев, отправлявшихся на войну с Наполеоном, показывают, что идея немецкой нации играла далеко не самую главную роль, что особенно касается добровольческих отрядов егерей и самого известного из них – Фрайкора Лютцова.

Петер Брандт отмечает, что для большинства добровольцев символом войны против Наполеона был прусский король Фридрих Вильгельм III, призыву которого они и следовали, а конкретная цель добровольческого движения заключалась в том, чтобы освободить Пруссию от иноземного господства и отомстить за поражение 1806 года [6, S. 218]. Об «утопии Фрайкора Лютцова» пишет и Йорг Эхтернкамп, который указывает на то, что в историографии XIX сложился устойчивый миф о национальном характере добровольческих отрядов под командованием знаменитого генерал-майора

Адольфа фон Лютцова, который якобы сражался за единство Германии. По мнению Эхтернкампа, борьба за освобождение немецкого народа была не единственным мотивом, по которому добровольцы присоединялись к отрядам Лютцова: прусский патриотизм, династическая лояльность, а также романтические представления о войне, идеалы героизма и мужественности, религиозно-мистические представления о «священной войне» и «крестовом походе» против безбожника-Наполеона, наконец, банальный авантюризм и страсть к приключениям могли также служить важными причинами для вступления во Фрайкор. Общенемецкая национальная идея могла быть лишь одним из мотивов, далеко не самым главным. К тому же, вполне справедливо замечает Эхтернкамп, боевая эффективность Фрайкора Лютцова равнялась нулю, никакого особого значения он ни для борьбы с Наполеоном, ни для распространения немецкой национальной идеи не имел [11, S. 218].

Политические и интеллектуальные элиты прусского общества ещё крепче были привязаны к правящей династии Гогенцоллернов и к идее прусского Отечества и прусской нации. Интерес к национальному лидерству в Германии, тем более к объединению Германии под властью Пруссии практически равнялся нулю, как отмечает в своей работе 1983 года «Национализм без нации» историк Йоханнес Вилльмс. Немецкий исследователь пишет: «Восстановление могущества Пруссии шло рука об руку с возрождением прусского партикуляризма. В особенности прусское дворянство, которое продолжало играть ведущую роль в прусской политике, видело в Пруссии скорее европейское, чем немецкое государство» [36, S. 114]. С этой точкой зрения можно согласиться: прусскому политическому руководству было важнее поддерживать в населении династический патриотизм и верность династии, чем общенациональную немецкую идею, которая могла подорвать лояльность по отношению к правящей элите. Показательный момент: в прусских источниках, в частности в официальных документах и патриотических проповедях, слово «немецкий» сравнительно активно употребляется только до Лейпцигского сражения, после которого частота его

употребления неуклонно падает [14, S. 80]. Если прусское правительство и желало с помощью обращения к общенемецкой пропаганде привлечь на свою сторону прочие германские государства, которые до осени 1813 года входили в Рейнский союз и находились под протекторатом Наполеона, то эта пропаганда никакого эффекта не имела: только сокрушительное поражение Бонапарта под Лейпцигом заставило германских князей порвать с французским императором и перейти на сторону коалиции. Начиная с 1814 года обращение к немецкой тематике стало для прусского правительства ненужным и в чём-то даже опасным – наметился поворот к реставрационной политике.

Как можно было убедиться, с 1970-х гг. в немецкой историографии стал активно пересматриваться тезис не только о «немецкой миссии Пруссии» но и о том, что Пруссия являлась местом рождения немецкой национальной идеи и центром немецкого национального движения. Исследовательница Карин Луис пошла ещё дальше и высказала предположение, что подлинно немецкий национализм возник совсем не в Пруссии, а в междуречье Рейна и Майна, на территории Гессена, Рейнланда, Пфальца и Северной Баварии [26, S. 16]. Но и эта точка зрения не безупречна, ибо в научной литературе последних трёх десятилетий стал постепенно разрушаться единый образ Освободительных войн как общенемецкого явления.

Как напоминает Карен Хагеманн, наполеоновская эпоха была тем временем, когда в очередной раз немцы воевали против немцев [17, р. 16]. Большая часть германских государств была объединена в созданный под эгидой Наполеона Рейнский Союз, который оказался настолько прочным образованием, что развалился лишь после поражения Бонапарта под Лейпцигом. В лоне Рейнского союза была рождена особая форма патриотизма (*Rheinbundpatriotismus*), которая была тесно связана с появившейся ещё в XVIII вв. идеей «третьей Германии» – союза средних и мелких германских государств против Австрии и Пруссии [8, S. 14-20]. Политические деятели государств Рейнского Союза зачастую исключали и ту, и другую из единой немецкой национальной общности, а Наполеон воспринимался как благодетель и

подлинный объединитель Германии. К примеру, видный голштинский политический деятель и один из наиболее значимых публицистов Рейнского Союза Кристиан фон Эггерс писал в одном из памфлетов 1808 года о том, что пруссаки и австрийцы «перестали быть немцами», а жители государств Рейнского Союза «снова считают себя объединёнными немцами, именно их и нужно считать истинными немцами». Для Эггерса государства Рейнского Союза, без Австрии и Пруссии, являлись истинной Германией [11, S. 179]. Можно ли видеть во взглядах Эггерса и других его коллег-публицистов проявление истинного немецкого национализма? Можно было бы ответить положительно на этот вопрос, если бы не один важный фактор: «третья Германия» была детищем Наполеона Бонапарта, а профранцузские симпатии большинства литераторов и общественных деятелей вступают в неизбежный конфликт с традиционным представлением о французах как «исконном враге» («Erbfeind»).

Опыт государств Рейнского Союза, тем самым, сильно отличался от опыта Австрии и Пруссии. Начиная с 1806 г. правители Баварии, Вюртемберга, Бадена, Саксонии и некоторых других германских территорий являлись верными союзниками Наполеона Бонапарта, за что получили в качестве компенсации щедрые территориальные приобретения, солдаты же этих государств воевали против своих «братьев» – пруссаков и австрийцев. Перед правящими элитами государств Рейнского Союза стояла та же, проблема, что и перед прусскими реформаторами – объединить разнородные территории с разнообразными этническими и конфессиональными группами в некое единое, унифицированное политическое образование. Дальше всего в этом деле продвинулась Бавария, которая по силе и мощи земельного патриотизма могла бы успешно соперничать с Пруссией. В Баварии была создана не менее эффективная идея баварской нации, центром которой являлся баварский король. Династия Виттельсбахов стала для Баварии тем же, чем для Пруссии была династия Гогенцоллернов [33, S. 251-256]. При этом баварская национальная идея, если можно так выразиться, во многом конструировалась

не в противовес Франции (Бавария традиционно была самым профранцузски настроенным германским государством), а Австрии, отношение к которой было крайне негативным ещё с начала XVIII века [9, S. 81]. После перехода Баварии на сторону антинаполеоновской коалиции в начале октября 1813 года в королевстве началась мобилизация населения по сценарию, который имел место в Пруссии весной того же года. Подобно Фридриху Вильгельму III король Баварии Максимилиан I Иосиф обращался с воззваниями к «баварской нации», а не ко всем немцам в целом, общенемецкая пропаганда, как и у северного соседа, носила подчинённый и весьма ограниченный характер [24, S. 251]. В какой-то степени можно утверждать, что тем, чем Пруссия была для Севера Германии, для Юга была Бавария.

Особая ситуация сложилась в соседнем Вюртемберге. В отличие от прусского и баварского королей, правитель Вюртемберга Фридрих I не решился на массовую мобилизацию населения, которая в ограниченных масштабах имела место лишь в начале 1790-х годов. Справедливости ради нужно отметить, что по таким вопросам, как организация массовой народной мобилизации и введение всеобщей воинской повинности Вюртемберг по времени опередил Пруссию, но эти мероприятия были проведены в герцогстве (с 1803 г. – курфюршестве, с 1806 г. – королевстве) только во время войн против революционной Франции. С 1805 г. Фридрих I являлся верным союзником Наполеона и оставался таковым до осени 1813 года, когда Вюртемберг перешёл на сторону Шестой коалиции. Как справедливо отмечает Ханс-Мартин Каульбах, постоянная смена союзников вносила сумятицу в умы жителей Вюртемберга и не способствовала самоидентификации, ориентированной на идею немецкой нации [23, S. 130]. Более того, король Фридрих I, не пользовавшийся популярностью у населения, не решился на широкую массовую мобилизацию, поэтому мощного патриотического движения, сравнимого с прусским или баварским, в Вюртемберге не было. Король не был заинтересован в распространении общенемецкой национальной пропаганды и всячески препятствовал её проникновению в Вюртемберг.

Локальный вюртембергский патриотизм также не нашёл широкого отклика среди населения. Ярким примером может служить полный запрет празднования победы под Лейпцигом – подобные патриотические акции правящим слоям королевства были не нужны. Андреас Гестрих, один из наиболее видных специалистов по истории Вюртемберга в эпоху наполеоновских войн, подчёркивает: ни о какой национально-патриотической эйфории, которую можно было наблюдать в Пруссии и в Баварии, в Вюртемберге не было [13, S. 176].

Ещё более запутанной ситуация была в тех территориях, которые до самого конца сражались на стороне Наполеона. К примеру, Великий герцог Гессена в Лейпцигском сражении воевал против войск коалиции и лишь после поражения Бонапарта был вынужден перейти в противоположный лагерь. При этом гессенские войска во главе с сыном герцога принцем Эмилом попали в плен к союзникам. По этой причине у жителей Гессена было мало повода праздновать победу союзников в Лейпцигской битве, равно как и увлекаться немецкой национальной идеей [32, S. 223]. Не менее драматичной оказалась судьба Саксонии, чей король Фридрих Август I также не пожелал отпасть от Наполеона и в результате Битвы народов оказался в плену, сама же Саксония один год находилась под управлением российской, а затем ещё один год под контролем прусской администрации [11, S. 219]. Причина подобных хитросплетений была простой – ни в Гессене, ни в Саксонии немецкая национальная пропаганда союзников не имела никакого эффекта. Примерно такой же была ситуация на Западе Германии, особенно на тех территориях, которые с 1794 года были присоединены к Франции (левобережье Рейна), где также не было особо ярко проявляющегося национального подъёма. Идентичность жителей Рейнской области была региональной. Антифранцузское движение на Северо-западе Германии, в частности в Гамбурге, имело не национальные, а преимущественно экономические причины – население страдало от континентальной блокады, невыгодных таможенных тарифов и постоянных призывов в армию. Локальные восстания с

националистическими тонами имели место лишь в Касселе и графстве Марк, однако в последнем превалировали пропрусские настроения [29, S. 488-489]. Ярко выраженного национального движения не было и в Вестфалии, где до осени 1813 года население в целом было лояльно французской администрации, а после Лейпцига возвращающиеся правящие династии стремились в первую очередь возродить в своих подданных монархические и локально-патриотические чувства [28, S. XVIII]. Самый беглый анализ территориальных различий позволяет сделать вывод о том, что применительно к 1813 году не может быть и речи о едином общенациональном немецком национальном движении в германских землях.

Если суммировать всё вышесказанное, то можно констатировать: начиная с 1970-х годов в немецкой историографии наметился поворот в оценке роли и значения Освободительных войн в немецкой истории. Всё большей эрозии подвергалось представление о народном характере антинаполеоновского движения, исследования последних лет показывают, что оно носило элитарный характер, его основными инициаторами являлись высшие и в редких случаях средние слои общества. Всё большую критику вызывал тезис о «немецкой миссии Пруссии», прусское королевство постепенно перестало рассматриваться как центр немецкого национального движения, как и вся северная Германия в целом. В центр внимания историков переместился прусский локальный патриотизм, который оформился в 1806-1815 годах в виде идеи прусской монархической нации. Наконец, стало подвергаться сомнению представление о том, что немецкая нация конституировалась в ходе войны против наполеоновской Франции. Единый образ Освободительных войн как общенемецкого явления постепенно распадается на отдельные части, на первый план выходят региональные особенности. Не случайно всё чаще немецкие историки (Уте Планерт, Ферди Акалтин, Карен Хагеманн, Хорст Карл, Йорг Эхтернкамп) говорят о мифе Освободительной войны. Возможно, что последующие исследования, особенно с региональной спецификой, позволят

скорректировать наше понимание наполеоновской эпохи и переосмыслить значение Освободительных войн 1806/1815 годов в истории Германии.

Список литературы:

1. Akaltin F. Die Befreiungskriege im Geschichtsbild der Deutschen im 19. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 1997. 318 S.
2. Berding H. Das geschichtliche Problem der Freiheitskriege 1813-1814 // Historismus und moderne Geschichtswissenschaft. Europa zwischen Revolution und Restauration. 1797-1815. Drittes deutsch-sowjetisches Historikertreffen in der Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart, 1987. S. 201-215.
3. Biskup T. Friedrichs Größe. Inszenierungen des Preußenkönigs in Fest und Zeremoniell. 1740-1815. Frankfurt am Main, 2012. 315 S.
4. Botzenhart M. Reform, Restauration, Krise. Deutschland 1789-1847. Frankfurt am Main, 1985. 172 S.
5. Brandt P. Die Befreiungskriege von 1813 bis 1815 in der deutschen Geschichte. In: Geschichte und Emanzipation. Festschrift für Reinhard Rürup. Hg. von Michael Grüttner, Rüdiger Hachtmann und Heinz-Gerhard Haupt. Frankfurt am Main, 1999. S. 17-57.
6. Brandt P. Einstellungen, Motive und Ziele von Kriegsfreiwilligen 1813/14: das Freicorps Lützow // Kriegsbereitschaft und Friedensordnung in Deutschland, 1800-1814. Münster – Hamburg, 1995. S. 211-233.
7. Breuilly J. The response to Napoleon and German nationalism // The bee and the eagle. Napoleonic France and the end of the Holy Roman Empire, 1806. New-York, 2009. P. 256-283.
8. Burg P. Die deutsche Trias in Idee und Wirklichkeit. Vom Alten Reich zum Deutschen Zollverein. Stuttgart, 1989. 402 S.
9. Carl H. Der Mythos des Befreiungskrieges. Die „martialische Nation“ im Zeitalter der Revolutions- und Befreiungskriege 1792-1815 // Föderative Nation. Deutschlandkonzepte von der Reformation bis zum Ersten Weltkrieg. Hg. von Dieter Langewiesche und Georg Schmidt. München, 2000. S. 63-82.

10. Dann O. Nation und Nationalismus in Deutschland. 1770-1990. München, 1994. 362 S.
11. Echternkamp J. Der Aufstieg des deutschen Nationalismus (1770-1840). Frankfurt am Main, 1998. 679 S.
12. Frevert U. Die kasernierte Nation. Militärdienst und Zivilgesellschaft in Deutschland. München, 2001. 470 S.
13. Gestrich A. Protestantismus, Endzeiterwartung und Krieg in Württemberg // Krieg und Umbruch in Mitteleuropa um 1800. Erfahrungsgeschichte(n) auf dem Weg in eine neue Zeit. Paderborn u.a., 2009. S. 167-182.
14. Graf G. Gottesbild und Politik. Eine Studie zur Frömmigkeit in Preußen während der Befreiungskriege 1813-1815. Göttingen, 1993. 160 S.
15. Hagemann K. "Männlicher Muth und teutsche Ehre". Nation, Militär und Geschlecht zur Zeit der antinapoleonischen Kriege in Deutschland. Paderborn u.a., 2000. 618 S.
16. Hagemann K. Nation, Krieg und Geschlechterordnung. Zum kulturellen und politische Diskurs in der Zeit der antinapoleonischen Erhebung Preußens 1805-1815. // Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft. 22. Jahrgang/Heft 4. Oktober – Dezember 1996. Militärgeschichte heute. S. 562-591.
17. Hagemann K. Revisiting Prussia's wars against Napoleon. History, culture, memory. Cambridge, 2015. 485 p.
18. Handbuch der preußischen Geschichte. Band II. Das 19. Jahrhundert und Große Themen der Geschichte Preußens. Herausgegeben von Otto Büsch. Berlin, 1992. 870 S.
19. Heitzer H. Insurrektion zwischen Weser und Elbe. Volksbewegungen gegen die französische Fremdherrschaft im Königreich Westfalen (1806-1813). Berlin, 1959. 341 S.
20. Helmert H., Usczeck H. Europäische Befreiungskriege 1808 bis 1814/15. Militärischer Verlauf. Berlin, 1976. 418 S.

21. Ibbeken R. Preußen 1807-1813. Staat und Volk als Idee und Wirklichkeit. Köln, 1970. 475 S.
22. Jeismann M. Das Vaterland der Feinde. Studien zum nationalen Feindbegriff und Selbstverständnis in Deutschland und Frankreich 1792-1918. Stuttgart, 1992. 414 S.
23. Kaulbach H.-M. Männliche und Ideale von Krieg und Frieden in der Kunst der napoleonischen Ära // Kriegsbereitschaft und Friedensordnung in Deutschland, 1800-1814. Münster – Hamburg, 1995. S. 127-154.
24. Leonhard J. Bellizismus und Nation. Kriegsdeutung und Nationsbestimmung in Europa und den Vereinigten Staaten. 1750-1914. München, 2008. 1 019 S.
25. Levinger M. Enlightened nationalism. The transformation of Prussian political culture 1806-1848. Oxford, 2000. 317 p.
26. Luys K. Die Anfänge der deutschen Nationalbewegung von 1815 bis 1819. Münster, 1992. 317 S.
27. Münchow-Pohl B. Zwischen Reform und Krieg. Untersuchungen zur Bewußtseinlage in Preußen 1809-1812. Göttingen, 1987. 479 S.
28. Oberschelp R. (Hg.). Politische Predigten 1727-1866. Niedersächsische Beispiele aus Krieg und Frieden. Hildesheim, 1985. 224 S.
29. Planert U. Der Mythos vom Befreiungskrieg. Frankreichs Kriege und der deutsche Süden: Alltag – Wahrnehmung – Deutung. Paderborn, 2007. 739 S.
30. Prignitz Chr. Vaterlandsliebe und Freiheit. Deutscher Patriotismus von 1750 bis 1850. Wiesbaden, 1981. 221 S.
31. Schmidt D. Die preußische Landwehr 1813. Berlin, 1987. 60 S.
32. Schneider U. Die Feiern der Leipziger Schlacht am 18 Oktober 1814 – eine intellektuelle Konstruktion? // Blätter für deutsche Landesgeschichte. 133. Jahrgang. Koblenz, 1997. S. 219-238.
33. Sellin, V. Nationalbewusstsein und Nationalismus in Deutschland im 19. Jahrhundert // Kultur und Gedächtnis. Hg. von Jan Assmann und Tonio Hölscher. Frankfurt am Main, 1998. S. 241-264.

34. Stulz P. Fremdherrschaft und Befreiungskampf. Die preußische Kabinettpolitik und die Rolle der Volksmassen in den Jahren 1811 bis 1813. Berlin, 1960. 298 S.

35. Trox E. Militärischer Konservatismus. Kriegervereine und „Militärpartei“ in Preußen zwischen 1815 und 1848/49. Stuttgart, 1990. 347 S.

36. Willms J. Nationalismus ohne Nation. Deutsche Geschichte von 1789 bis 1914. Düsseldorf, 1983. 776 S.

Сведения об авторе:

Стерхов Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории медицины и социально-гуманитарных наук Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова (Москва, Россия)

Data about the author:

Sterkhov Dmitry Vladimirovitch – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Medicine History and Humanitarian Studies Department, Pirogov Russian National Research Medical University (Moscow, Russia).

E-mail: enkiddu@mail.ru.